

MOBILIS IN MOBILI

Психоистория способна предсказать крах Империи...
она же делает вывод и о наступающих тысячелетиях хаоса...
Мы не в силах предотвратить падение Империи...
Но мы можем сократить надвигающийся период варварства...

Айзек Азимов

Я иду против течения, но направление потока изменится.

Эрвин Шрёдингер

GROWND WAVE

MOBILIS IN MOBILI

ЛИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Междисциплинарный проект
Александра Асмолова

GROWND WAVE

MOBILIS IN MOBILI

ЛИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Междисциплинарный проект
Александра Асмолова

Издательский Дом ЯСК
Москва 2018

УДК 159.9
ББК 88.37
М 78

Идея проекта и общая редакция:
заведующий кафедрой психологии личности, доктор психологических наук,
профессор, академик РАО *Александр Асмолов*

М 78 *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* / Под общ. ред. Александра Асмолова. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 546 с., *вклейка в конце книги.*

ISBN 978-5-907117-24-2

В XXI веке представители самых разных наук об эволюции человека, природы и общества все более убеждаются в том, что древнее предостережение о рисках и опасностях жизни в эпоху перемен становится сбывшимся пророчеством. Трансформация эпохи перемен в повседневную реальность нашего текущего времени послужила толчком для разработки таких зарождающихся в пограничных областях психологии направлений исследования как психология неопределенности и разнообразия, психология сложности, психология изменяющейся личности, интегрированных в рамках проекта «*Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*».

Книга, объединяющая поиски исследователей факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова и других ведущих центров психологической науки, адресована читателям, которых волнует психология человека, принимающего решения и совершающего поступки в условиях вызовов неопределенности, сложности и разнообразия стремительно эволюционирующего мира.

УДК 159.9
ББК 88.37

*В оформлении переплета использована
работа «Mobilis in mobili» художницы Татьяны Плаховой*

ISBN 978-5-907117-24-2

9 785907 117242 >

© Авторы, 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018
© Междисциплинарный проект Александра Асмолова

СОДЕРЖАНИЕ

Подвижный в подвижном: психология изменений

<i>Асмолов А. Г.</i> Методология психологии перемен: ремесло и искусство сомнения [I Приглашение к диалогу]	9
<i>Асмолов А. Г.</i> Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [II Приглашение к диалогу]	13

Вызовы неопределенности и разнообразия

<i>Леонтьев Д. А.</i> Жизнь на волнах хаоса: уроки Пригожина и Талеба	29
<i>Леонтьев Д. А.</i> Неопределенность как центральная проблема психологии личности	40
<i>Корнилова Т. В.</i> Психология неопределенности: когнитивная и личностная регуляция предвосхищений, выбора и риска...	54
<i>Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М.</i> Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции	76
<i>Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М.</i> Родословная «жизни сообща»: еще раз о скачках эволюции	101
<i>Сергиенко Е. А.</i> Психология сознания в координатах эволюции	119
<i>Фаликман М. В.</i> Разум как незавершенный проект: новая волна Выготского в когнитивной науке	137
<i>Марцинковская Т. Д.</i> Транзитивное общество как психологический феномен	150
<i>Хорошилов Д. А., Машков Д. С.</i> Психология повседневности как оптика анализа социальных изменений	166
<i>Гусельцева М. С.</i> Психологические маркеры перемен: трансформация ценностей в транзитивном обществе	181

Вызовы сложности

<i>Фаликман М. В.</i> Методология конструктивизма в психологии познания	199
<i>Нестик Т. А.</i> Конструирование коллективного образа будущего в условиях неопределенности	213

<i>Нестик Т. А., Журавлев А. Л.</i> Психологические проблемы управления совместной деятельностью в условиях неопределенности.....	226
<i>Поддьяков А. Н.</i> Исследовательские и контрисследовательские объекты: дизайн предоставляемых возможностей.....	245
<i>Поддьяков А. Н.</i> Психология обучения в условиях новизны, сложности, неопределенности.....	261

Вызовы ответственности: «как изменяться, не изменяя себе»

<i>Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А.</i> Рефлексия множественности выбора в психологии межкультурных коммуникаций	279
<i>Леонтьев Д. А.</i> Экзистенциальный подход в современной психологии личности	293
<i>Белинская Е. П.</i> Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней?	308
<i>Соколова Е. Т.</i> Трансформации самоидентичности в условиях социокультурной неопределенности	319
<i>Петровский В. А.</i> Импликативная модель целеполагания: константы адаптивного действия.....	331
<i>Иванников В. А.</i> Волевое действие: победа над собой в ситуации борьбы мотивов	362
<i>Леонтьева А. А.</i> Бикультурная идентичность через призму разных метафор.....	378
<i>Гусев А. Н., Садовская Е. А.</i> Влияние установок личности на выраженность феномена «слепота к изменению»	393
<i>Волкова Н. Н., Гусев А. Н.</i> Перспективы когнитивно-стилевого подхода в психологии	409
<i>Львова Е. Н., Шлягина Е. И., Митина О. В.</i> Предикторы совладающего поведения.....	425
<i>Львова Е. Н., Шлягина Е. И., Гусев А. Н.</i> Тест рисуночной фрустрации С. Розенцвейга в исследовании особенностей совладания личности	442
<i>Собкин В. С., Лыкова Т. А.</i> Личностные особенности и профессиональная успешность в обучении актерскому мастерству.....	455
<i>Кривцова С. В.</i> Взросление как становление внутренних опор личности	469
<i>Айламазьян А. М.</i> Культурные практики: от свободного танца к свободному действию	485
<i>Патяева Е. Ю.</i> Мастерская саморазвития личности.....	501
Об авторах.....	530

Contents

Mobilis in mobili: The psychology of changes

<i>Asmolov A. G.</i> Methodology of the Psychology of Changes: The Mastery and Art of Doubt [A First Invitation to Dialogue].....	9
<i>Asmolov A. G.</i> Psychology of Changes: The Challenges of Uncertainty, Complexity, and Diversity [A Second Invitation to Dialogue]	13

Challenges of uncertainty and diversity

<i>Leontiev D. A.</i> Life on a Wave of Chaos: The Lessons of Prigogine and Taleb	29
<i>Leontiev D. A.</i> Uncertainty as the Key Issue of the Psychology of Personality	40
<i>Kornilova T. V.</i> Psychology of Uncertainty: Cognitive and Personality Regulation of Anticipations, Choices and Risks	54
<i>Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M.</i> Preadaptation to Uncertainty as a Strategy of Navigation for Developing Systems: Evolutionary Paths	76
<i>Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M.</i> A History of “Life Together”: Again on Leaps of Evolution.....	101
<i>Sergienko E. A.</i> Psychology of Consciousness and its Evolutionary Perspectives...	119
<i>Falikman M. V.</i> Mind as an Unfinished Project: a New Vygotskian Wave in Cognitive Science.....	137
<i>Martsinkovskaya T. D.</i> Transitive Society as a Psychological Phenomenon.....	150
<i>Horoshilov D. A., Mashkov D. S.</i> Everyday Life Psychology as an Optics for Social Changes Analysis.....	166
<i>Guselceva M. S.</i> Psychological Signs of Change: Transformation of Values in a Transitive Society.....	181

Challenges of complexity

<i>Falikman M. V.</i> Methodology of Constructivism in the Psychology of Cognition...	199
<i>Nestik T. A.</i> Creating a Collective Image of the Future Under Uncertainty.....	213
<i>Nestik T. A., Zhuravlev A. L.</i> Psychological Problems of Joint Activity Regulation under Uncertainty.....	226
<i>Poddiakov A. N.</i> Exploratory and Counter-Exploratory Objects: Design of Meta-Affordances	245
<i>Poddiakov A. N.</i> Psychology of Teaching/Learning under Novelty, Complexity and Uncertainty	261

**Challenges of responsibility:
“How to change without changing who you are”**

<i>Soldatova G. U., Shaigerova L. A.</i> Reflection upon Multiplicity of Choice in Psychology of Intercultural Communications.....	279
<i>Leontiev D. A.</i> Existential Approach in Contemporary Personality Psychology	293
<i>Belinskaya E. P.</i> The Variability of Self: an Identity Crisis or a Crisis of Knowledge about it?	308
<i>Sokolova E. T.</i> Transformation of Self-Identity Under Social Cultural Uncertainty	319
<i>Petrovsky V. A.</i> Implicative Model of Goal Setting: The Constants of an Adaptive Action.....	331
<i>Ivannikov V. A.</i> Voluntary Action: The Victory over Oneself under Motivational Conflict.....	362
<i>Leontieva A. A.</i> Bicultural Identity through the Optics of Different Metaphors.....	378
<i>Gusev A. N., Sadovskaya E. A.</i> The Impact of Personality Sets on the “Change Blindness” Phenomenon.....	393
<i>Volkova N. N., Gusev A. N.</i> Perspectives of the Cognitive Styles Approach in Psychology	409
<i>Lvova E. N., Shlyagina E. I., Mitina O. V.</i> Predictors of Coping Behavior	425
<i>Lvova E. N., Shlyagina E. I., Gusev A. N.</i> Rosenzweig Picture Frustration Test in the Study of Personality Coping Styles.....	442
<i>Sobkin V. S., Lykova T. A.</i> Personality Traits and Professional Success in Theatrical Pedagogics.....	455
<i>Krivtsova S. V.</i> Maturation as Formation of Personality Inner Strengths	469
<i>Ajlamazyan A. M.</i> Cultural Practices: from a Free Dance towards a Free Action	485
<i>Patyaeva E. Y.</i> Working on Personal Self-Development	501
About the authors.....	530

**ПОДВИЖНЫЙ В ПОДВИЖНОМ:
ПСИХОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЙ**

В. А. Петровский

ИМПЛИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ: КОНСТАНТЫ АДАПТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Настоящая статья посвящена анализу формального строения целеполагания при подготовке к действию и констант адаптивной готовности в среде.

Готовность объединяет возможность действия и побуждение к действию. По существу, именно в этом значении выступает термин «готовность», когда говорят о «мобилизационной готовности», «мотивационной готовности», «адаптивной готовности» и т. п. Особым образом трактует «готовность» В. А. Лефевр [Lefebvre 1996], придавая данному термину смысл объективно регистрируемых проявлений активности, в противоположность субъективным «интенциям», склоняющим к выбору. Слово «готовность» было использовано Лефевром при построении теории рефлексивного выбора. Автор теории описал готовность агента к рефлексивному выбору как количественно определяемую величину. Лефевру удалось, таким образом, перейти рубеж, отделяющий «субъективное» от «объективного», связав оператором материальной импликации интенцию субъекта к выбору и выбор, измеряемый вероятностью предпочтения одного полюса («добро») другому полюсу («зло»). Формула Лефевра имеет вид: $A = (a_3 \rightarrow a_2) \rightarrow a_1$, где a_1 — давление среды, a_2 — образ давления среды, a_3 — интенции агента активности, $\rightarrow$ — знак материальной импликации.

«Готовность», для всех, кто ее исследует, представляет собой переход от состояния относительного покоя к состоянию целенаправленной активности, заключая в себе преемственные формы целеполагания, — трансформации устремлений индивида с момента их зарождения активности до момента фактического исполнения задуманного. Опираясь на импликативную модель рефлексивного выбора Лефевра, мы предлагаем *импликативную модель целеполагания* на разных ступенях подготовки к действию. При этом мы принимаем (и применяем) лефевровский оператор « $\rightarrow$ », расширяя сферу его использования и определяя его психологический смысл (отличающийся от традиционного, логического, — «если..., то...»). Используем также термин «готовность» в более широком, чем в рефлексивной теории, смысле, различая и соотнося такие состояния целеполагания, как желания, установки, усилия, притязания, в единстве с возможностями, производящими их. Готовность к действию рассматривается, таким образом, как существующая в переходах от одной ступени активности к другой.

Именно в этом контексте раскрывается нами понятие *адаптация*, имеющее в науке более чем вековую историю, но до сих пор остающееся в психологии

неоперационализированным и количественно неопределенным. Так, с некоторым недоумением Дж. Флейвелл [Флейвелл 1967], исследователь творчества Ж. Пиаже, пишет, что понятие «адаптация», играющее центральную роль в «генетической эпистемологии», не имеет своей дефиниции у Пиаже. В теории «личностных адаптаций» П. Вара [Ware 1983] также мы не встречаем определения этого понятия. Исследователи, использующие термин «адаптация», как представляется, по умолчанию полагают, что, наравне со словами обыденного языка, здесь не требуется каких-либо дополнительных пояснений. Чаще всего в литературе встречаются тавтологические определения «адаптации» как процесса приспособления к среде. Наши собственные попытки дать дефиницию термину, в связи разработанной концепции «неадаптивной активности», до сих пор имели описательный характер, минуя способы какой-либо численной оценки уровней «адаптивности-неадаптивности»¹.

Предлагаемое в данной статье решение, опирающееся на имплицативную модель целеполагания, позволяет, на наш взгляд, определить, а в дальнейшем измерить уровень адаптации личности в ситуациях, требующих от субъекта определенных усилий (решение задач, разрешение трудных жизненных ситуаций, активности в ситуациях достижения и т. п.).

2. Имплицативная модель целеполагания

Предлагая теоретическую модель целеполагания, мы вводим понятие *целевой перспективы действия*. «Целевая перспектива действия» — это преемственные и сменяющие друг друга фрагменты развертки активности на пути между потенцией достижения и достижением как таковым. Характеризуя целевую перспективу действия, мы имеем дело с последовательностью эффектов взаимовлияния между возможностью достижения («могу») и стремлением воплотить эти возможности на каждом этапе активности.

¹ Наше раннее определение, зафиксированное в книге «Психология. Словарь» (1990) и потом многократно воспроизведенное (впрочем, без ссылок) в разных изданиях:

«**Адаптивность — Неадаптивность**» — тенденции функционирования целеустремленной системы, определяемые соответствием или несоответствием ее целей и достигаемых в ходе деятельности результатов. Адаптивность выражается в их согласованности. Различия в трактовке целей функционирования системы обуславливают различные варианты возможной направленности адаптации: 1) вариант гомеостатический — адаптивный исход состоит в достижении равновесия; 2) вариант гедонистический — адаптивный исход состоит в наслаждении, избегании страданий; 3) вариант прагматический — адаптивный исход состоит в практической пользе, успехе и пр. Представление о человеке лишь как о существе адаптирующемся ограниченно и преодолевается в рамках анализа самодвижения деятельности. Этот же анализ приводит к представлению о неадаптивности как о возможно позитивном явлении» [Психология. Словарь: 11–12].

Возможности достижения феноменологически различаются по своим истокам: одни из них переживаются как изначально принадлежащие субъекту, являющиеся результатом актуализации его внутренних ресурсов (мы говорим в этом случае — «ставка на себя»). Другие возможности — «привходящие», «берущиеся извне», в результате присвоения внешних ресурсов («ставка на ситуацию»). В процессе активности «свои» возможности (потенциал действия, априорная оценка своих возможностей достижения, предстоящие «инвестиции» в действие, рассчитываемые «издержки») и возможности, относящиеся к ситуации (вера в достижимость решения, надежда его найти, оценка реализуемости своих притязаний в среде) постоянно объединяются, смешиваются между собой. В своей сумме внутренние и внешние возможности рассматриваются нами как источник стремлений субъекта — его желаний, установок, волевых усилий и притязаний.

Единственное исключение из правила — «потенциал действия» (условное имя: «я всё могу»). Здесь перед нами чисто внутренний источник целеполагания. Теоретический конструкт «я всё могу» может быть осмыслен как отдаленное эхо инфантильного «всемогущего контроля», описанного в психоанализе; феноменологический коррелят «всемогущего контроля» во взрослом сознании — это «вера в себя», «могущество разума», «сила духа» и т. д.

Итак, в предлагаемой модели инвертируется привычное соотношение между состояниями «могу» и «хочу»: первое интерпретируется как источник второго, что отличается от общепринятого понимания. Образно говоря, не «могу» живет на улице «хочу», а «хочу» — на улице «могу». Стремление людей к успеху — это их стремление проявить во вне внутренние возможности, «точка перехода» возможного в действительное. «Могу» в данном случае — это и источник и условие реализации стремлений. Имея в виду количественный аспект взаимоотношений между возможностями и стремлениями, мы, в связи с этим, **постулируем**: каковы внутренние возможности, таковы и стремления к их использованию («чем выше “могу”, тем сильнее “хочу”»).

Кроме того, целевая перспектива действия включает в себя представления субъекта о среде осуществления действия. Выделяем 4 слоя представлений человека об окружении: а) «знаемая среда» — информированность человека о требованиях, предъявляемых ситуацией, и наличии условий их реализации; б) «мифическая среда» — фантазии о среде как зависящей от воли субъекта и отвечающей его собственным представлениям о должном; в) «гипотетическая среда» — предположения субъекта о том, насколько среда будет способствовать или противодействовать субъекту в реализации его притязаний; г) «трансцендентная среда» — выходящие за пределы возможного опыта и остающиеся неизвестными фактические значения параметров «требуемого» и «наличного» в реализации его притязаний.

Идея модели целеполагания включает в себя оператор метаимпликации при особой трактовке логического оператора «материальной импликации». В математической логике материальная импликация связывает переменные отношением «если..., то...», имея дело с «четкими переменными» 0 (ложь) и 1 (истина).

В отличие от логического оператора материальной импликации, метаимпликация, или, по Л. И. Волгину (1996), континуальная импликация², имеет дело не только с «четкими» значениями переменных 0 и 1, но и со всеми значениями переменных на отрезке $[0, 1]$: $\alpha \rightarrow \beta = 1 - \alpha + \alpha\beta = \gamma$. В модели состоятельности В. А. Петровского [Петровский 2002] α интерпретируется как запрос, $1 - \alpha$ — актуализированные внутренние ресурсы, β — ресурсы, поступающие извне³, $\alpha\beta$ — новоприобретенные возможности, γ — аккумулярованные возможности. Если прибегнуть к метафоре, оператор « $\rightarrow$ » пробуждает силы, неиспользованные ранее («дремлющие силы»), присоединяя к ним новоприобретения опыта. Естественно, такая трактовка имеет мало общего с интерпретацией материальной импликации в духе «если..., то...».

«Целевой перспективе действия» соответствует последовательность символов, связанных оператором метаимпликации (в дальнейшем мы будем говорить «импликация»):

$$((((1) \rightarrow x) \rightarrow y) \rightarrow z) \rightarrow f \rightarrow s (= W). (0.1)$$

Каждое выражение, заключенное в круглые скобки *слева*, обозначает целевое состояние активности, а *справа* — условие реализации цели, или иначе, «внешнюю опору» действия; единственное исключение из общего правила — это 1 в круглых скобках: символ (число) 1 одновременно указывает на целевое состояние и на условие реализации активности, символизируя то, что «само опирается на себя»⁴.

² Предложенный нами термин «метаимпликация» опирается на аппарат алгебраических решеток, имея дело с рациональными значениями переменных на отрезке $[0, 1]$; автором в предшествующих работах обосновывается преобладание метаимпликации по отношению к материальной импликации, имеющей дело с «четкими» значениями переменных 0 и 1 [Петровский 2002; 2007; Петровский, Таран 2002]. «Континуальная импликация», в отличие от «метаимпликации», имеет дело со всеми числами отрезка $[0, 1]$. Правда, при этом утрачивается смысловая связь между нововведением и классической материальной импликацией. Отталкиваясь от базовой импликативной модели Владимира Лефевра (1996), автор импликативной модели целеполагания (в более ранней редакции — «модели состоятельности личности»), стремился сохранить эту связь.

³ Читателям, знакомым с работами В. А. Лефевра, очевидна, как мы бы сказали, «генетическая связь» предлагаемой нами модели с формулой готовности субъекта к биполярному выбору; преобладание и своеобразие этой модели анализируется в книге В. А. Петровского «Персонология “Я”» [Петровский 2013].

⁴ При более дифференцированном рассмотрении: то, что находится *внутри* скобок *слева*, означает результат предшествующей активности; выражение в скобках *вместе со скобками* — источник активности; присоединив к скобкам стрелочку, «(...)→», получаем символ *целевого* момента активности (стремление); символ *внутри* скобок *справа* — инструментальный момент (средство активности). Таким образом, «целевая перспектива

Каждый из фрагментов целевой перспективы — это единство возможностей и устремлений (см. рис. 1):

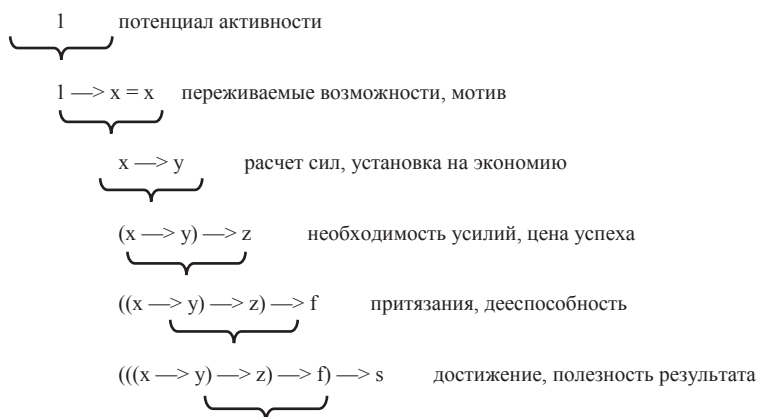

Рис. 1. Импликативная модель целеполагания: фрагменты целевой перспективы

Раскроем значение и соотношение символов. Латинские буквы x, y, z, f, s , и др., символизируют интенциональные, инструментальные и результативные моменты готовности субъекта в целевой перспективе действия (характеристики уровней мотива, субъективной возможности решения и др.)⁵. Каждая из переменных варьирует в диапазоне $[0, 1]$.

(1) символу 1 соответствует *потенциал активности* — полный объем возможного и достижимого в жизни («ощущение полноты бытия»⁶);

(2) $\rightarrow$ — знак *метаимпликации*.

(3а) x — заинтересованность в достижении («интересно взяться за решение проблемы»). Так дети-первоклассники поднимают руку — «спросите меня», еще не зная конкретных условий и требований задания. Так же и многие профессионалы сразу чувствуют, что будут решать проблему, едва услышав, что «есть

действия» включает в себя, мы бы сказали, несколько подарков для российских ценителей диалектической формулы «цель $\rightarrow$ средство $\rightarrow$ результат (являющийся источником выдвижения новой цели)» (см.: [Трубников 1968; Петровский 2010]).

⁵ Каждому из символов соответствует смысловое ядро некоторой совокупности значений слов, и поэтому, «расшифровывая» символы, мы предлагаем некоторый набор синонимов и высказываний, которые мы приводим в тексте. Кроме того, в интересах читателя, рядом с математическими символами и числами в некоторых случаях предлагаем словесные подстрочки.

⁶ Оно производно, по-видимому, от детского переживания «всемогущий контроль», описанного в психоанализе.

проблема». Речь идет, таким образом, о первичной интуитивной оценке сил и энтузиазме взяться за дело, которые в дальнейшем потребуются для решения.

(3б) $I \rightarrow x$ — *могу и хочу*; предчувствие успеха, побуждающее к достижению. Подразумевается, что в условиях предстоящей деятельности обычно актуализируется лишь часть объема возможного («могу»), что непосредственно мотивирует к достижению («хочу»);

Из формальных свойств метаимпликации следует: $I \rightarrow x = I - I \cdot x = x$. Поэтому далее мы опускаем в записи сочетание символов « $I \rightarrow x$ », заменяя их символом x ;

(4) y — *вера в существование решения*; «задача имеет решение» (представление субъекта о том, насколько задача решаемая в принципе или в данных конкретных обстоятельствах деятельности). «Разрешимость задачи» — характеристика *знаемой среды*. Относительно некоторых задач, волновавших людей, сейчас хорошо известно, что они не имеют решения (например, задача «квадратуры круга»). В таких случаях, $y = 0$. Относительно некоторых задач человеку неизвестно, могут ли они быть решены или нет (можно лишь в той или иной степени прогнозировать существование решения); в формальных языках есть высказывания недоказуемые и неопровержимые, но когда это еще не доказано, имеем $0 \leq y \leq 1$. Пожалуй, только «школьные задачи» гарантировано имеют решения, $y = 1$. Но в этом случае время на нахождение решения может быть ограничено, и поэтому $y = 0$. При любом из уровней y , мы имеем дело с некоторой «знаемой величиной» или величиной, искренне принимаемой человеком за «знаемую» (то есть характеризующуюся известной вероятностью). Примером может служить «уровень трудности» задачи в экспериментах Хоппе и др. (см.: [Хекзаузен 1986]).

(5.1) z — *здоровый смысл, рациональность в оценке своих перспектив* (кратко — *рациональность*). Приведем другие синонимы: взыскательность к себе, самокритичность; ответственный самоконтроль и др. В высказывании от первого лица это могло бы звучать так: «Я беру ответственность на себя». Очевидно, что рациональность в оценке своих перспектив соответствует «принципу реальности» из психоанализа. В дальнейшем было бы важно выяснить вероятные взаимосвязи этого параметра целеполагания с «локусом контроля» [Rotter 1954], «бдительностью» в понимании Т. В. Корниловой [Корнилова 2013] и др.

(5.2) $z' = I - z$ — *иррациональная вера в успех*; подчиняется «принципу удовольствия»;

(6) $x \rightarrow y = e$ — *могу и склонен*; мобилизация сил и установка на достижение; готовность «вкладываться» в ситуацию (инвестировать энергию), «настрой». В отличие от осознаваемых возможностей и, соответственно, побуждений к действию, установка на достижение может иметь безотчетный характер («детерминирующие тенденции» Аха [Ach 1910], первичные и вторичные установки Д. Н. Узнадзе [1996], «высшие автоматизмы» П. Жане [2009] и др.; в этом случае активность,

сохраняя целенаправленность, протекает совершенно автоматически; но происходящее может осознаваться субъектом как ответ на вызовы воспринимаемой ситуации, как влечение к продолжению начатого⁷, как искушение успехом или притягательность риска и др.

Выделяем здесь 4 случая с «четкими» значениями переменных:

(6a) $e = 1 \rightarrow I = (1 - I) + I \cdot 1 = 1$ — «желаемое само идет в руки»;

(6b) $e = 1 \rightarrow 0 = (1 - I) + I \cdot 0 = 0$ — фрустрация (или, на слэнге, — «облом»); в этот момент нет ни сил, ни желания, ни готовности решать задачу;

(6с) $e = 0 \rightarrow I = (1 - 0) + 0 \cdot 1 = 1$ — ставка исключительно на себя (внешний ресурс не имеет значения);

(6d) $e = 0 \rightarrow 0 = (1 - 0) + 0 \cdot 0 = 1$ — само испытание (тенденция к «бескорыстному риску», по В. А. Петровскому, «реактивное сопротивление», по Дж. Бэму; все это — манифестация скрытых возможностей в ответ на внутренние и внешние ограничения)⁸;

(7) $w = (x \rightarrow y) \rightarrow z$ — *могу и надо*; требования к себе; цена успеха и усилия, необходимые для реализации желаемого; издержки; «чего мне это будет стоить», «сколько усилий мне нужно затратить, чтобы достичь». В сходном, но несколько ином прочтении символа, — это *самоконтроль* (см.: [Леонтьев и др. 2017]).

(8.1) f — *надежда; шанс найти решение при данном уровне требований к себе*; преодолимость барьеров; беспрепятственность в продвижении к цели; доступность «путеводной нити». Надежда релевантна *мифической среде* проектирования действия. Присутствие мифических слоев в сознании взрослых людей убедительно продемонстрировано в работах [Субботский 2007] и подкрепляется многочисленными наблюдениями психологов-клиницистов, констатирующих присутствие *эго-состояния Дитя* в личности взрослых (*Берн, и его школа*)⁹.

⁷ По словам Ф. Д. Горбова, устав решать трудную задачу, легко решить перестать, но трудно перестать решать. Такого рода феномены, как известно, были объектом исследований К. Левина [Левин 2001] и его сотрудников.

⁸ Тот факт, что «запретный плод сладок», подтверждается экспериментами и теорией реактивного сопротивления Дж. Брэма [Brehm 1966]. В экспериментах В. А. Петровского, посвященных феноменам надситуативной активности, проводимых в начале 1970-х годов [Петровский 1971; 1975 и др.] и обобщенным в книге [Петровский 2010], показано, что сужение возможностей целеполагания, *как таковое*, стимулирует неадаптивное поведение, преодолевающее ограничения, то есть объект, сам по себе, может и не быть привлекательным, но переживаемые ограничения в возможности воспользоваться им, порождает влечение к нему (метафорически, и булыжник сладок, если его запретить).

⁹ Представление об эго-состоянии Дитя было включено нами в имплицативную модель «триумвирата субъектов свободного выбора», позволившую устранить некоторые трудности, связанные с прогнозом поведения человека в ситуации свободного выбора уровня трудности решаемых задач (несовпадение эмпирических данных с моделью выбора риска Дж. Аткинсона [Хекхаузен 1986], — см.: [Петровский 2010: 405–406]).

Только что было отмечено, что шанс нахождения решения f может быть зависим от w (то есть от меры необходимости усилий, требовательности к себе). Интуитивно ясно, что усилия могут быть особенно необходимы, когда среда сопротивляется усилиям, и наоборот: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». В модели адаптивного действия эта закономерность принята во внимание (о чем — дальше).

(8.2) $f^* = 1 - f$ — *признаваемые субъектом требования ситуации*; «положение обязывает»

(9) $g = w \rightarrow f$ — *могу и добьюсь*; *дееспособность и притязания*; «претендую»;

(10) c и s — *вызовы* (c — *challenge*) и *поддержка* предстоящих достижений (s — *support*). Другие имена s : «подача», «подспорье», «гарантии» и т. п. Предполагается, что привлекательность и поддержка взаимодополнительны: $r + s = 1$.

Заметим, что вызовы и поддержка — характеристики *гипотетической среды* предпринимаемых действий.

(11) s^* — *фактическая пригодность среды* для достижения результата. До завершения действия значение s^* неизвестно. Это — остающийся неопознанным параметр *трансцендентной среды* действия. Здесь уместно припомнить фразу философа: «Я знаю, что я ничего не знаю» (добавим, — «не знаю наперед») и метафору «Черного лебедя» из книги [Taleb 2007].

(12) $W = g \rightarrow s$ — *могу и достигну*; *оценка качества будущего решения*; *ожидаемая удовлетворенность решением*¹⁰;

(13) $W^* = g \rightarrow s^*$ — *ощущение благополучия, интерес к продолжению или смене направления активности* (в сознании человека может оставаться некоторое сомнение в величине s^* и, следовательно, — в окончательности или полноте достижения).

Дополнительно могут быть количественно и качественно определены некоторые сочетания рассмотренных переменных (к примеру, *избыток сил, превосходство ожиданий, чувство оправданности усилий* и т. п.).

От общей имплицативной модели готовности к действию мы можем перейти к особой форме этой модели, обозначаемой нами как *модель адаптивного действия* (*модель адаптивной готовности*), что требует от нас введения некоторых ограничений на соотношение переменных, входящих в общую модель.

В порядке иллюстрации рассмотрим две хорошо знакомые из фольклора и художественной классики ситуации: «поиск иголки в стоге сена» и «борьба с ветряными мельницами».

¹⁰ Возможна двоякая интерпретация W . Одна из них дана выше. Другая — трактовать W как «энтузиазм», и в этом случае W^* подразумевает формулу $W \rightarrow s^*$; и тогда W^* можно интерпретировать как итог усилий или (и) аккумуляцию сил для будущих достижений (или повторных попыток).

Поиск иголки в стоге сена имеет вид (индексы под числами маркируют элементы целевой перспективы):

$$((((1 \rightarrow 0,8_x) \rightarrow 0,2_y) \rightarrow 0,1_z) \rightarrow 0,4_f) \rightarrow 0,1_s) \rightarrow 0,3_{s*} [\approx 0,700_{w*}].$$

Рассмотрим пошагово элементы формулы:

- потенциал активности (1)
- «заинтересован(а) в поиске» ($x=0,8$)
- «чувствую, что если решение и существует, то оно маловероятно ($x=0,2$)» (позже, желая проверить это, нашел в ГУГЛе ответ: «6 способов найти иголку в стоге сена»)
- я вряд ли смог бы сам найти решение, хотя не исключаю, что, при известном упорстве и изобретательности с моей стороны, это возможно ($z=0,1$); (постфактум убеждаюсь в том, что некоторые из способов решения мне не пришли бы в голову, например, «можно натравить на стог стадо коз и подождать пока одна из них заболит, но это будет жестоким обращением с животными»)
- как бы то ни было, я все-таки надеюсь найти решение ($f=0,4$)
- если не впасть в иллюзии, то, строго говоря, рассчитывать почти не на что ($s=0,1$)
- при взгляде со стороны: «Ничто не поможет найти» ($s^*=0$)

Оценим эффекты поиска иголки в стоге сена:

первая импликация: $1 \rightarrow 0,8 = 1 - 1 + 1 \cdot 0,8 = 0,8$ (желание найти)

вторая импликация: $0,8 \rightarrow 0,2 = 1 - 0,8 + 0,8 \cdot 0,2 = 0,36$ (установка на поиск)

третья импликация: $0,36 \rightarrow 0,1 = 0,64 + 0,036 \approx 0,676$ (требования к себе)

четвертая импликация: $0,676 \rightarrow 0,4 \approx 0,324 + 0,270 = 0,594$ (притязания)

пятая импликация: $0,594 \rightarrow 0,1 \approx 0,406 + 0,059 = 0,465$ (удовлетворенность поиском)

шестая импликация: $0,465 \rightarrow 0,3 \approx 0,535 + 0,140 \approx 0,675$ (интерес к продолжению попыток решения, — «еще не все гипотезы проверены»).

Целевая перспектива **борьбы с ветряными мельницами**:

$$((((1 \rightarrow 0,9_x) \rightarrow 0,7_y) \rightarrow 0,9_z) \rightarrow 0,8_f) \rightarrow 0,1_s) \rightarrow 0_{s*} [\approx 0,700_{w*}].$$

Опуская «поэлементный» анализ, опишем фрагменты целевой перспективы борьбы с ветряными мельницами, представленные импликациями:

первая импликация: $1 \rightarrow 0,9 = 1 - 1 + 1 \cdot 0,9 = 0,9$ (желание сразаться и победить)

вторая импликация: $0,9 \rightarrow 0,7 = 1 - 0,9 + 0,9 \cdot 0,7 = 0,73$ (установка на борьбу)

третья импликация: $0,73 \rightarrow 0,9 = 0,27 + 0,73 \cdot 0,9 \approx 0,927$ (требовательность к себе)

четвертая импликация: $0,927 \rightarrow 0,8 \approx 0,073 + 0,742 = 0,815$ (притязания)

пятая импликация: $0,815 \rightarrow 0,1 \approx 0,185 + 0,082 = 0,267$ (удовлетворенность борьбой)

шестая импликация: $0,267 \rightarrow 0 \approx 0,733 + 0 \approx 0,733$ (захваченность боем)

Как видим, ведение «боевых действий» против мельниц, принимаемых за великанов, оставляет амбиции неудовлетворенными ($0,267_w$), но это не останавливает рыцаря: он готов сражаться и дальше ($0,733_{w*}$).

Ситуации с иголкой и рыцарем, иллюстрируя общую идею целевой перспективы, дают нам примеры *неадаптивной активности*: желания субъектов не соответствуют требованиям, предъявляемым к себе, а притязания — достижениям (за пределами рассмотрения мы оставляем здесь объективные исходы целеполагания, так как далее в статье не будем иметь дела с уровнем действительной поддержки активности субъекта со стороны среды).

Рассмотрим теперь подробнее, что представляют собой проявления адаптивного целеполагания в среде.

3. Адаптивность

Принимаем, что *адаптивность* в ситуации достижения характеризуется координациями «я хочу = я требую от себя (мне надо)», «я требую от себя = ситуация требует от меня», «я претендую = я достигаю» (при описании координаций маркируем элементы адаптивного действия нижним индексом *a*):

$$\begin{aligned} (A1) \quad x_a(\text{хочу}) &= (x_a \rightarrow y_a) \rightarrow z_a = w_a (\text{требую от себя}); \\ (A2) \quad w_a(\text{требую от себя}) &= f' (\text{ситуация обязывает}); \\ (A3) \quad g_a(\text{претендую}) &= g_a \rightarrow s_a = g_a = W_a (\text{достигаю})^{11}. \end{aligned}$$

Величину w_a , удовлетворяющую условиям (A1), (A2) и (A3) мы назовем *порогом адаптации*. «Порог адаптации» — это такой уровень волевых усилий («требую от себя», «мне надо»), который в равной мере соответствует исходным побуждениям субъекта («хочу») и требованиям ситуации, приемлемым для него («ситуация требует»), что позволяет субъекту осуществить то, на что он претендует («достигаю»). Такое понимание представляется нам интуитивно приемлемым и, кроме того, оно позволяет количественно определить порог адаптации в различных средах.

Существенно важной чертой предлагаемой модели адаптивности является различие *сред* осуществления действия, — специфических особенностей ситуаций достижения. В одном случае, действие протекает в *ординарной среде*, в другом — *провокативной среде*, определяемых далее.

¹¹ В ряде случаев мы будем исходить из соотношения $\alpha \rightarrow \beta = 1 - \alpha + \alpha\beta = \alpha$, именуя его «правилом реализма», по аналогии с идеей интенциональных выборов «реалистов» в рефлексивной теории В. А. Лефевра [1996]. В нашем случае, смысл «принципа реализма» заключается в том, что устремления (α), с опорой на внутренние ($1 - \alpha$) и внешние (β) ресурсы, находят свое адекватное воплощение в итоге осуществления действия (аккумулированные возможности равны α).

4. Адаптивность в ординарной среде

Речь здесь идет о среде достижений «от случая к случаю», когда заранее неизвестно, насколько вероятно в каждом конкретном случае достижение или недостижение субъектом желаемого результата; при этом предполагается, что в тенденции его притязания реализуются. Такое положение дел типично в условиях повседневности.

Будем считать, что возможность не-достижения — это переживаемый *вызов* со стороны среды, c ; в противоположность вызову, возможность достижения — это ожидаемая *поддержка* со стороны среды — s . Принимаем условие:

$$(B1) \ c_a(\text{вызов}) = s_a(\text{поддержка}) = 1/2(\text{баланс вызова и поддержки}),$$

Определим, каким должны быть притязания субъекта, чтобы они были адекватно реализованы в ординарной среде достижения. Согласно (A3),

$$W_a = g_a(\text{претендую}) \rightarrow s_a(\text{поддержка}) = g_a \rightarrow 1/2 = 1 - g_a + 1/2 g_a = g_a(\text{претендую} = \text{достигаю}),$$

из чего следует:

$$g_a(\text{претендую}) = 0,666... \approx 0,667.$$

Поскольку

$$g = w \rightarrow f = w \rightarrow (1 - f'),$$

что соответствует определениям (8.1 и 8.2), а $w = f'$ (согласно A2), то имеем:

$$g = 0,667 = w \rightarrow (1 - w) = 1 - w^2,$$

из чего следует $w = 0,577$. Теперь из (A1) имеем $x = w = 0,577$.

Остается определить одну из двух переменных — y или z .

Принимаем допущение, которое мы назовем *оптимизм ожиданий* («фантазии сбываются»). На формальном языке оно выглядит так:

$$(B2) \ z'_a(\text{вера в успех}) \rightarrow z_a(\text{здравомыслие}) = z'_a(\text{вера в успех}).$$

Исходя из (5.2) и (B2),

$$z'_a \rightarrow (1 - z'_a) = z'_a, \quad 1 = z'_a + z_a'^2,$$

что дает нам

$$z'_a = 0,618(\text{вера в успех}),$$

и, следовательно, $z_a(\text{здравомыслие}) = 0,382$

Теперь можно вычислить y_a (вера в успех). Исходя из (A1),

$$(0,577 \rightarrow y_a) \rightarrow 0,382 = 0,577 \text{ (необх. усилия),}$$

из чего следует

$$y_a \text{ (разрешимость, «можно решить») } = 0,453.$$

Таким образом, искомая целевая перспектива адаптивного действия *в ординарной среде* имеет вид:

$$(((0,577 \rightarrow 0,453) \rightarrow 0,382) \rightarrow 0,423) \rightarrow 0,5 (= 0,667) \text{ (0.2)}$$

Иначе выглядит порог адаптации и, соответственно, целевая перспектива адаптивного действия в провокативной среде.

5. Адаптивность в провокативной среде

Речь идет о среде, стимулирующей к достижению. Так же, как и в первой из рассмотренных, в провокативной среде ресурсы, ожидаемо поставляемые средой (поддержка среды), согласно (A3) обеспечивают субъекту возможность полноценной реализации его готовности к действию: $g \rightarrow s = g$.

Принимается еще одно условие, мы называем его «правилом противостояния». Оно состоит в том, что *притязания*, реализуемые в провокативной среде, отвечают *вызовам* среды:

$$(C1) g_a \text{ (претендую) } = c_a \text{ (вызов) }.$$

Из (C1), а также (11), следует:

$$s_a \text{ (поддержка) } = I - c_a \text{ (вызов) } = I - g_a \text{ (претендую),}$$

Опираясь на (A3) и (C1), имеем:

$$W_a \text{ (достижение) } = g_a \text{ (претендую) } \rightarrow s_a \text{ (поддержка) } = g_a \rightarrow (I - g_a) = g,$$

из чего следует:

$$g_a \text{ (претендую) } = 0,618\dots,$$

что соответствует «золотому сечению» ($g_a^2 + g_a = I$).

Как видим, в провокативной среде человек реализует более высокие притязания, чем побуждает его к тому повседневная среда ($g_a = 0,6180,5$), и при этом имеет меньше поддержки, чем в повседневной жизни ($s_{\text{провока}} = 0,382 \leq 0,5$). Таким образом, это среда, стимулирующая к достижением (отсюда и название — «провокативная среда»).

Теперь можно вычислить значение w_a (требование к себе) и, соответственно, — x_a (хочу) и f_a (надежда).

$$g_a(\text{претендую}) = w_0 \rightarrow f = w_a \rightarrow (1 - w_a) = 1 - w_a^2 = 0,618,$$

из чего следует

$$w_0(\text{требование к себе}) = 0,618,$$

и

$$g_a = w_0 \rightarrow f_0 = 0,618 \rightarrow f_a = 0,618,$$

а также

$$f_a = 0,382.$$

Из (A1) имеем

$$x_a(\text{хочу}) = w_0 = 0,618$$

Теперь необходимо определить y (вера в решение). Принимаем *допущение*, характеризующее принцип функционирования субъекта адаптивного действия на этот раз в *провокативной среде*. Будем считать, что в данном случае, на старте активности, человек не может знать заранее, будет ли его действие успешным или нет. Но при этом его установка на достижение представляется ему реализуемой, то есть перед нами *ожидаемая оправданность установок при осознанной непредсказуемости исхода*:

$$(C2) e_a \rightarrow 1/2 = e_a,$$

из чего сразу же следует

$$e_a = 0,667.$$

Поскольку

$$e_a = (0,618_{\text{хочу}} \rightarrow y_a) = 0,667,$$

то легко вычислить, что

$$y_a(\text{вера в решение}) = 0,461.$$

На основании (A1),

$$(0,617 \rightarrow 0,461) \rightarrow z = 0,618,$$

и следовательно

$$z_a(\text{здравомыслие}) = 0,427.$$

Соответственно, целевая перспектива адаптивного действия в *провокативной среде* имеет вид:

$$(((0,618 \rightarrow 0,461) \rightarrow 0,427) \rightarrow 0,382) \rightarrow 0,382 (= 0,618). \quad (0.3)$$

Таким образом, дедуктивно, мы приходим к идее существования **констант адаптивного действия** в ординарной и провокативной среде (0.2) и (0.3)¹².

Остается проверить, насколько предложенная теоретическая модель подтверждается эмпирическими данными. Наша *общая гипотеза* состояла в совпадении эмпирических средних, характеризующих целевую перспективу действия, с параметрами теоретической модели адаптивного действия.

6. Методика исследования

В процессе исследования использовалась методика личностной состоятельности В. А. Петровского [2010]¹³. При построении методики исследования мы исходили из различения ординарной и провокативной сред.

Предполагается, что *ординарной среде* соответствуют ситуации решения задач человеком в его повседневной жизни, или, как мы еще говорим, — задач, которые ставит перед субъектом «сама жизнь». При этом, конечно, некоторые из таких задач гарантируют субъекту возможность с легкостью достичь притязаемого («пришел, увидел, победил»); другие — не дают таких гарантий; некоторые — переживаются как бесперспективные в плане самой возможности реализовать притязания (именно в этом случае наставляют: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь», = «*Don't count your chicken before they are hatched*» ‘Не считай цыплят прежде, чем они вылупятся’)¹⁴. В среднем можно принять, что в этих задачах *поддержка* со стороны

¹² Рассматривая целеполагание, удобно воспользоваться записью $\langle 1, x, y, z, f, s \rangle$, с традиционным в этом случае использованием угловых скобок для обозначения последовательности конечного числа элементов. Эту запись или, как говорят математики, «кортеж», мы называем *архитектоникой целеполагания*. а варианты и вопрос в том, как интерпретировать два выделенных в исследовании варианта целеполагания, включающие в себя «константы адаптивности»: $\langle 0.577, 0.453, 0.382, 0.423, 0.5 \rangle$ и $\langle 0.618, 0.461, 0.427, 0.382, 0.382 \rangle$. Наше предположение состоит в том, что они представляют собой *первообразы целеполагания*, многообразно реализуемые в поведении индивидуумов, и «проступающие» в отклонениях его активности от канона адаптивности. А. С. Огнев, в личном общении, предлагает нам в связи с этим говорить об «архетипах адаптивности», что кажется нам вполне допустимым и уместным. Однако требуется дополнительное обоснование такой версии происходящего. В частности, важно проверить, как *переживаются* испытуемыми отклонения в их поведении от констант адаптивности, к каким последствиями эти девиации приводят, с какими свойствами личности связаны.

¹³ «Состоятельность» — это обладание самосбывающимися возможностями, то есть возможностями, беспрепятственно воплощающимися в действительность, — единство «могу», «хочу», «достигаю» («я могу, и, следовательно, достигаю»).

¹⁴ Автору, как уроженцу города Харькова, с детства памятна эта поговорка на украинском языке, звучащая на русское ухо острее: «Не кажи гоп, поки не перескочиш». Один из блогеров на Фейсбуке, Захар Май (zaxar_borisysh), по этому поводу недоумевает: «...А почему, собственно? какой смысл говорить “гоп”, уже перескочив — не было бы

среды (s), характеризующая определенной возможностью достижения при данном уровне притязаний, равна *вызову* со стороны ситуации (c), — возможностью недостижения: $s = c = 1/2$ (согласно условию B1). О таких задачах, обобщенно, мы говорим «задача дня».

Провокативной среде соответствует другой класс задач. Это задачи, которые человек ставит перед собой исключительно сам (или, проникаясь «задачами дня», видит в них свой собственный интерес), — они полностью отвечают его склонностям и интересам. О задачах такого рода говорим — «задача по вкусу».

В методику В. А. Петровского включены 2 опросника: «Задача дня» и «Задача по вкусу» (см. Приложение). С содержательной точки зрения опросники идентичны друг другу. Различие заключается лишь в инструкции, предлагаемой человеку перед заполнением. В одном случае подчеркивается, что речь идет об интересной задаче, выбираемой самостоятельно, а в другом случае — о повседневной задаче, которые ставит перед человеком «сама жизнь» [Петровский 2010]¹⁵, — см. Приложение.

В начале опросника поставлен общий вопрос: «Как часто при решении такой задачи Вы...», а далее следует 8 утверждений, отражающих частоту переживаний и мыслей, сопутствующих решению такой задачи; ответ испытуемого — это метка на шкале «редко—часто». При обработке ответов началу шкалы (крайней левой точке) придается значение 0 %, а концу шкалы (крайней правой точке) — значение 100 % (промежуточные значения вычисляются пропорционально).

Утверждения составлены таким образом, что в них зашифрованы 3 элемента состоятельности: «мотивация действовать» (x) «принципиальная возможность решения» (y) и «надежда на успех» («оптимизм») (s). Возможные проявления каждого из элементов — наличие или отсутствие. Каждый из элементов представлен позитивным (наличие) или негативным (отсутствие) полюсами; наличие или отсутствие маркируется, соответственно, через приписываемые значения 1 и 0.

резонней говорить “гоп” или во время перескока, или непосредственно перед ним?». Ответ, на наш взгляд, напрашивается: это — чтобы, сказав «гоп», не испытать потом разочарования, ибо W в общем случае не равно W^* . Впрочем, З. Май отчасти прав: воодушевляющее «гоп», игнорирующее трансцендентное s^* , иногда бывает полезным, так как усиливает удовольствие от самого *процесса* достижения, взамен, может быть, достижению, как таковому.

¹⁵ Мы сохраняем название этих задач из более ранних публикаций [Петровский 2010]. Прежде в инструкциях подчеркивалось, что это задачи, в которых человек проверяет свои возможности. В настоящем исследовании, формулируя инструкцию к «Задаче по вкусу», мы усилили акцент на привлекательность этой задачи, — на ее соответствии склонностям и интересам испытуемого. Излагаем методику В. А. Петровского в варианте [Леонтьев и др. 2017] с некоторыми терминологическими уточнениями.

О разных аспектах состоятельности дают представление 8 компонентов генерации активности: «мотив достижения» (x) — «хочу» — представлен вопросами 1, 3, 5, 8; «субъективная возможность решения» — вопросами 2, 4, 5, 8; «верю» — вопросами 1, 2, 5, 6. Опросник, согласно замыслу, устроен таким образом, что компоненты активности, присутствующие в высказываниях опросника, попарно пересекаются, что отражает реальную взаимосвязь «хочу решить» и «можно решить», «можно решить» и «верю, что решу», «верю, что решу» и «хочу решить». При этом каждый вопрос заключает в себе уникальный смысл (или, в терминах Д. А. Леонтьева из упомянутой выше совместной статьи, — особое «регуляторное состояние» [Леонтьев и др. 2017]).

В таблице ниже указаны номера вопросов, их содержание, компоненты генерации активности и регуляторные состояния.

Предполагается, что уровень проявлений этих элементов в задачной ситуации определяется частотой их присутствия в сознании.

Мотивация x характеризуется тем, насколько часто испытуемый, по его мнению, склонен предпринимать активные действия, ведущие к решению, чему соответствуют частота состояний «вопреки», «надежда умирает последней», «забудь сомнения», «вперед к победе». При подсчете суммируются субъективные частоты представленности f соответствующих регуляторных состояний: $f_5(1,0,0)$, $f_6(1,0,1)$, $f_7(1,1,0)$, $f_8(1,1,1)$ и далее определяется доля субъективной встречаемости позитивного полюса мотива действия из расчета: $x = (f_5 + f_6 + f_7 + f_8)$, где x — сумма частот всех проявлений данного элемента, как позитивных (1), так и негативных (0).

О *субъективной возможности решения (разрешимости) y* мы судим по тому, насколько часто у испытуемых возникает ощущение «ответ в конце задачника», «сама пойдет», «забудь сомнения», «вперед к победе» (чем чаще такие ощущения возникают, тем вероятнее существование решения). Так же как и в случае оценки x , подсчитывается средняя доля встречаемости чувства присутствия решения, $y = (f_2 + f_4 + f_6 + f_8)$.

Иррациональная вера в успех (z') характеризуются частотой переживания таких состояний как «авось», «сама пойдет», «ищите и обрящите», «вперед, к победе»: $z' = (f_3 + f_4 + f_7 + f_8)$. Соответственно, *здоровое мышление (z)* определяется частотой $1 - z'$.

Организация исследования и оформление результатов проводилось автором [Петровский 2010] и магистром кафедры психологии личности НИУ Высшая школа экономики Е. В. Дорошенко [Дорошенко 2018]. Методика предъявлялась в бумажной форме (исследование В. А. Петровского) и электронной форме в условиях онлайн опроса и автоматически обрабатывалась (Е. В. Дорошенко). Всего в исследовании приняли участие 156 человек. Средний возраст ответивших — 26 лет.

Таблица 1

Вопросы методики ПСЛ и регуляторные состояния

№ вопроса методики (см. Приложение)	Содержание вопроса	мотивация (x) — «хочу»	разрешимость (y) — «можно решить»	иррациональ- ная вера в успех(z') — «верю».	Регуляторное состояние и его номер (внизу)
7	Вам не хочется ничего делать, нет никаких идей, не испытываете ничего, кроме ощущения полной бесперспективности?	0	0	0	«в тупике» (1)
6	Отказываетесь решать задачу по-старому, «отстраиваетесь» от ситуации, внутренне подготавливаете к новому решению («переклачаетесь»)?	0	0	1	«авось» (2)
4	Думаете: вот бы пришел кто-нибудь и сказал, что делать дальше (да только, увы, не будет этого)?	0	1	0	«ответ в конце задания» (3)
2	Считаете нужным дожидаться «того самого» счастливого случая, когда ситуация сама подскажет, как быть и что делать (полагаетесь на удачное стечение обстоятельств, как бы наталкивающее на открытие)?	0	1	1	«сама пойдет» (4)
3	Исходите из необходимости «отместить» версии, кажущиеся Вам сомнительными?	1	0	0	«вопреки» (5)
1	Перепроверяете себя, пытаетесь удостовериться в правильности своих догадок и предположений (как бы «испытывая их на прочность»)?	1	0	1	«ищите и обрящите» (6)
8	Думаете: «Надо попробовать!», хотя и чувствуете, что это совершенно напрасно?	1	1	0	«забудь сомнения» (7)
5	Верите в то, что не совершите ошибки, действуя так, а не как-то иначе?	1	1	1	«вперед к победе» (8)

7. Эмпирические гипотезы и результаты исследования

Проверяем два класса эмпирических гипотез-следствий (они, согласно общей гипотезе, одинаково справедливы для ситуаций «задача дня» и «задача по вкусу»).

Общая гипотеза исследования, обозначаемая нами как «гипотеза адаптивности “большинства”», состоит в том, что испытуемые, в среднем по выборке, придерживаются адаптивной стратегии генерации действия, параметры которой определяются организацией среды («ординарная среда», «провокативная среда»). В дальнейшем, говоря о «большинстве», будем также использовать такие слова, как «средний представитель выборки», подразумевая, что это *условный испытуемый*, чьи целевые перспективы действия представляют собой статистически усредненные показатели x, y, z, f, s . Будем также, в написании формул, в скобках пояснять значение символов, чтобы облегчить читателю понимание соотношений между ними.

Общая гипотеза адаптивности «большинства» включает в себе две эмпирические гипотезы:

Первая эмпирическая гипотеза: у среднего представителя выборки эмпирически фиксируемые показатели мотива решения x («хочу»), субъективной решаемости задачи y («можно решить»), здравомыслия z (критическая оценка своих возможностей) статистически совпадают с элементами целевой перспективы *теоретической модели* адаптивного действия x_a, y_a, z_a ;

Вторая эмпирическая гипотеза: у среднего представителя выборки *расчетные* показатели установки на решение задачи e (расположенность к действию, «буду»), усилий, необходимых для решения задачи w (цена успеха, «требую от себя», «мне надо»), надежда (шанс найти решение при данном уровне требований к себе) f , притязания g («претендую»), достижения W (полезность, «достигаю») статистически совпадают с фрагментами целевой перспективы *теоретической модели* адаптивного действия $w_0 = (x \rightarrow y) \rightarrow z, f_a = 1 - w_a, g_a = w_a \rightarrow f_a, W_a = g_a \rightarrow s_a$

Заметим (и мы убедимся в этом), что предположение б) непосредственно следует из предположения а).

Кроме того, будет оценено определяемое теоретической моделью адаптивного действия положение о том, что эмпирически фиксируемые и расчетные целевые перспективы действия «среднего представителя» выборки обусловлено типом субъективной организации среды.

Сопоставим параметры теоретической модели адаптивного действия, с одной стороны, и эмпирические данные, а также и их комбинации, с другой (табл. 2 и 3).

Таблица 2

Результаты проверки 1 и 2 эмпирических гипотез для «задачи дня»

«ЗАДАЧА ДНЯ»								
	Мотив. x (хочу)	Возм. реш. y (можно решить)	Здравом. z (рациональность)	Установ. $*e = x \rightarrow y$ (настроен решать)	Усилия* $w = (x \rightarrow y) \rightarrow z$ (надо)	Надежда* $f = 1 - w$	Притяз.* $g = w \rightarrow f$ (претендую)	Оценка качества решения* $W = g \rightarrow s$ (достигаю)
Элементы целевой перспект.: эмпирическ. (средние по выборке) и расчетные (помечены *)	0,581	0,468	0,396	0,686	0,585	0,435	0,674	0,674
Элементы целевой пер- спект. адаптив- ного действия: параметры теоретической модели	0,577	0,453	0,382	0,689	0,577	0,423	0,667	0,667
Различия	0,004	0,015	0,014	-0,003	0,008	0,012	0,007	0,007
Значимость различий: p ($N = 156$)	0,618	0,468	0,078	0,439	0,151	0,151	0,032	0,045
Коэфф. Коэна: d ($N = 156$)	0,040	0,183	0,143	0,063	0,116	0,116	0,174	0,163

Таблица 3

Результаты проверки 1 и 2 эмпирических гипотез для «задачи по вкусу»

«ЗАДАЧА ПО ВКУСУ»								
	Мотив x (хочу)	Возм. решен. y (можно решить)	Здравом. z (рациональ- ность)	Установ. $*e = x \rightarrow y$ (настроен решать)	Усилия* $w = (x \rightarrow y) \rightarrow z$ (требую от себя)	Надежда* $f = I - w$	Притяз* $g = w \rightarrow f$ (претендую)	Оценка качества $W = g \rightarrow s$ (достигаю)
Элементы целевой перспективы: эмпирические (средние по выборке) и расчетные (помечены *)	0,603	0,470	0,427	0,681	0,616	0,384	0,616	0,614
Элементы целевой перспективы адаптивного действия: параметры теоретической модели	0,618	0,461	0,427	0,667	0,618	0,382	0,618	0,618
Различия	-0,015	0,009	0	0,014	-0,002	0,002	-0,002	-0,004
Значимость различий: p ($N = 156$)	0,065	0,057	0,995	0,028	0,151	0,852	0,784	0,596
Коэфф. Коэна: d ($N = 156$)	0,150	0,154	0,004	0,179	0,016	0,015	0,027	0,043

Можем убедиться в том, что во всех рассмотренных случаях различия незначительны ($p > 0,05$; $d_{\text{Козна}} < 0,2$)¹⁶.

Итак, результаты эмпирического исследования подтверждают выдвинутую гипотезу: усредненные по выборке показатели интенций, субъективной возможности решения и здравомыслия, а также рассчитанные по ним показатели установки на решение, необходимых усилий, притязаний и достижений вполне соответствуют параметрам теоретической модели. Найденные результаты, будучи ожидаемыми, пожалуй, даже превосходят ожидания экспериментаторов: средние по выборке, представленные полигоном на рисунке, практически не отличимы от соответствующих элементов теоретической модели (рис. 2; цв. вариант см. во вклейке).

Рис. 2. Сравнение средних по выборке и теоретических значений целевой перспективы адаптивного действия в «задаче дня»

¹⁶ Напомним, что, согласно Козну, могут быть приняты следующие условные границы интерпретации d : от 0,2 до 0,5 — небольшое различие (небольшой эффект); от 0,5 до 0,8 — умеренное различие (умеренный эффект); от 0,8 и выше — выраженные различия (сильный эффект). Если же $d < 0,2$, то это значит, что если различия и есть, то они достаточно невелики, чтобы не принимать их во внимание. Если же $d < 0,1$, — то различия весьма незначительны. При таких небольших значениях p -уровень, как правило, достаточно большой, $> 0,05$, что говорит о незначимых различиях.

Не менее точное соответствие прослеживается в ситуации «задача по вкусу»: точность «попадания» здесь еще выше ($p\text{-ур} \gg 0,05$; $d\text{Коэна} \ll 0,2$), — см. табл. 3).

Рис. 3 (цв. вариант см. во вклейке) дает представление о точности ожидаемого соответствия двух картин адаптивности — основанной на эмпирическом исследовании и представленной в теоретической модели.

Рис. 3. Сравнение средних по выборке и теоретических значений целевой перспективы адаптивного действия в «задаче по вкусу»

Характеризуя полученные данные, важно подчеркнуть, что последние точки на рисунках 2 и 3, обозначающие установку («настрой»), усилия («требую от себя»), притязания («претендую») и результативность («достигаю»), изображают расчетные, а не эмпирически установленные величины: их значения, на основе A1, A2 и A3, выводятся из других элементов целевой перспективы: мотива («хочу»), решаемости («можно решить») и здравомыслия («критический взгляд на себя»). Требуются дополнительные исследования, подтверждающие соответствие теоретических параметров импликативной модели, с одной стороны, расчетных величин и эмпирических данных, описывающих указанные точки справа на полигонах, то есть e , w , g , W ¹⁷, с другой. Таким образом, первостепенное значение для оценки

¹⁷ Косвенные и весьма обнадеживающие результаты получены в совместной работе [Леонтьев и др. 2017], где найдена связь между уровнями w (необходимыми усилиями, «порогом адаптивности») в «задачах дня» и уровнями удовлетворенности жизнью (по: [Diener et al.

адекватности выдвинутых предположений имеют три точки, соответствующие мотиву («хочу»), решаемости («можно решить») и здравомыслию («критический взгляд»).

Таким образом, в целом подтверждается гипотеза «адаптивности большинства»; при этом обнаруживаются различия целевых перспектив действия в ситуациях «задача дня» и «задача по вкусу» (см. рис. 2 и рис. 3 — эти, очевидные «на глаз», различия легко устанавливаются статистически).

Сказанным подтверждается возможность квалифицировать теоретически выделенные элементы и фрагменты целевой перспективы действия в качестве *констант адаптивности субъекта в среде*.

8. Перспективы исследования

В заключение — три замечания общего порядка, формирующие контуры предстоящих исследований.

Первое. Целевая перспектива активности содержит в себе импликации, изображенные в виде стрелок, «смотрящих» слева направо. Может возникнуть иллюзия, что генерация действий вообще и адаптивного действия в частности развивается также «слева направо», от «хочу» к «достигаю», пробегая последовательно элементы x, y, z, f, s . Но этот взгляд побуждает взглянуть на ситуацию критически. По-видимому, в ситуации *целеполагания* следует различать процессы *целереализации*, развивающиеся от субъекта к ситуации (в направлении стрелок) и процессы *целеобразования*, развивающиеся в противоположном направлении — от ситуации к субъекту (подобно тому как, проектируя деятельность, мы двигаемся от ее результатов к необходимым условиям их достижения). На рис. 1 этот процесс изображен «в прямой» целевой перспективе. Но требуется также увидеть происходящее в «обратной перспективе» целевой организации активности. Так, вычисление констант адаптивности, которое, как можно было заметить, вело нас в противоположную сторону, от ресурсов и вызовов внешней среды к внутренним побуждениям и ресурсам субъекта. Таким образом, предположительно, генерация активности осуществляется на встречных маршрутах (что требует специального исследования).

1985]), а также — самооффективностью (по: [Шварцер и др. 1996]). Связь — *отрицательная*, что, как нам думается, вполне объяснимо (хотя и требуется проверка), так «задача дня», в отличие от «задачи по вкусу», побуждают личность, скорее, к избавлению от хлопот, связанных необходимостью решения, чем к поиску условий «усложнения себе жизни» (и поэтому *рост* удовлетворенности жизнью и самооффективности должны ассоциироваться *со снижением* порога адаптивности). Заметим также, что в других (незавершенных) исследованиях [Дорошенко 2018] мы обнаруживаем позитивные значимые связи между притязаниями (g) и уровнями фундаментальных мотиваций по А. Лэнгле (см.: [Шумский и др. 2016]).

Второе. Совпадение *эмпирических средних* целевых перспектив действия испытуемых в «задачах дня» и «задачах по вкусу» с *теоретическими параметрами* адаптивного действия свидетельствует, как можно предположить, о существовании «предустановленной гармонии» (в терминах Лейбница) между *типическими* проявлениями активности людей и вызовами среды. Представляется допустимой аналогия между гибсоновской моделью восприятия мира (в соответствии с экологическим походом Дж. Гибсона [Gibson 1979]) и устанавливаемой нами моделью целеполагания. Возможно, в этом контексте будет уместно обратиться в дальнейшем к левиновскому понятию «характера требований» и гибсоновскому — «аффорданс», означающему свойства объекта или среды, позволяющие произвести с этим объектом или фрагментом среды те или иные действия. По аналогии с «архетипическими» напрашивается образ «экотипических» регуляторов адаптивной активности. При этом мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью продвигаться к «началам» процесса, сообразуясь с его «концом».

Третье. Говоря о константах адаптивности, существование которых подтверждается «адаптивностью большинства», мы не утверждаем, что каждый индивидум «адаптируется». В действительности, мы придерживаемся прямо противоположной версии, полагая, что «константы адаптивности» — не более чем *условные траектории* целеполагания *абстрактного* («среднестатистического») человека; реальные индивиды суть «нарушители» этих констант.

С начала 70-х годов прошлого столетия автор и его коллеги исследуют феномены *неадаптивной активности* [Петровский 1971; 1975; 1976; 2010; 2013].

В последние 20 лет эти исследования опираются на математические модели генерации действия, и теперь, имея «константы адаптивности», мы способны определить *меру* неадаптивности испытуемых, возможные взаимосвязи неадаптивности с другими проявлениями индивидуальности, среди которых отметим лишь некоторые:

— «принятие риска» и творчество [Atkinson 1957; Козелецкий 1979; Петровский 1971; 2013; 2010; Дружинин 1995; Богоявленская 1983; Корнилова 1994 и др.]);

— субъектогенез [Огнев 2009];

— удовлетворенность жизнью и самооффективность [Bandura 1997; Рифф 1995; Леонтьев и др. 2017];

— финансовая состоятельность [Дорошенко 2018];

— «личностные адаптации» [Ware 1983];

— соотношение субъективной и объективной трудности жизненных ситуаций [Битюцкая, Петровский 2016]; «защитные механизмы», «копинг» и «овладевающее поведение» [Lazarus, Folkman 1984; Битюцкая 2011; Львова и др. 2015; Шмелев 2015];

— саморегуляция [Конопкин 1995; Моросанова 1998];

— «личный потенциал» и механизмы перехода личности из режима детерминированности в режим самодетерминации [Леонтьев 2007];

— сознательно-бессознательные аспекты возможностей личности [Старовойтенко 2016]; переживание «Я могу» [Станковская 2016]; рекурсивная модель активности [Лисецкий и др. 2012];

— избыточность в постановке задач [Velichkovsky et al. 2017; Огнев и др. 2018].

Цитируя, вслед за А. Г. Асмоловым [Асмолов и др. 2017], слова Жиля Делеза и перефразируя их, скажем, что мы еще не знаем «на что способны индивидуальные различия», «еще не знаем, куда они могут привести в сочетании с естественным отбором»; в нашем контексте такой отбор осуществляется константами адаптивности в целеполагании, «нормой» соответствия устремлений субъекта условиям их реализации в среде; между тем индивидуальность, проявляясь вне адаптивности, детерминирует выход за пределы заданности; она включает в себе *преадаптацию к неопределенности* (А. Г. Асмолов и др., цитир. произв.).

Мы бы добавили к словам А. Г. Асмолова, ярко «позиционирующего» идею нарастающего многообразия проявлений в эволюционном процессе, что индивидуальность — это еще и *внеадаптивность* человека: уникальность и самоценность его проявлений, *не* выступающих «образцом» и не уготованное стать «нормой реакции» для кого-либо сейчас или в будущем. Развивая идеи динамического подхода в психологии деятельности [Асмолов, Петровский 1978], разрешим себе предположить, что эволюция человека (и, может быть, только человека!) порождает феномены «не-за-чем» — новое качество бытия в его многообразии, дерзкую «выходку» эволюции.

Выводы

1. В работе представлена имплицативная модель целеполагания в среде.

2. Целеполагание — последовательность преемственных и сменяющих друг друга состояний, каждое из которых включает в себя интенциональные и инструментальные моменты: феноменологически различимые *стремления* индивида («потребность», «желания», «установки», «необходимость усилий», «притязания») и, соответственно, *опоры* его активности («ощущение исполненности бытия», «предчувствие успеха», «мобилизация сил», «цена успеха», «дееспособность»).

3. Выступая в единстве, эти состояния образуют структуру взаимосвязанных элементов и фрагментов *целевой перспективы активности*.

4. Представления субъекта о среде порождения и реализации целей организованы в четыре слоя: а) «знаемая среда» — рациональные представления об объективных требованиях и условиях достижимости целей; б) «мифическая среда» — фантазии о среде как зависящей от воли субъекта и отвечающей его собственным представлениям о должном; в) «гипотетическая среда» — предположения субъекта о том, насколько среда будет способствовать или противодействовать субъекту

в реализации его притязаний; г) «трансцендентная среда» — заранее неизвестное субъекту и остающееся для него неизвестным фактическое значения параметров «требуемого» и «наличного» для реализации его притязаний.

5. Вводится представление о целевой перспективе решения; в содержательном плане она раскрывается нами как паттерн сменяющих друг друга моментов продвижения к успеху, а в формальном — как последовательность символов $((I \rightarrow x) \rightarrow y) \rightarrow z) \rightarrow f) \rightarrow s = W$, где символу I соответствует полный объем возможностей достижения и, вместе с тем, потребность в достижении; символу x — актуализированные возможности, побуждающие к достижению (мотив достижения успеха); символу y — субъективная решаемость задачи; символу z — здравомыслие (чувство реальности в восприятии собственных возможностей достижения), символу f — образ идеальной среды («Фортуна»); символу s — ожидаемая поддержка со стороны среды при реализации готовности субъекта к действию; символу W — полезность продвижения к результату; символу « $\rightarrow$ » — оператор метаимпликации, определяемый, исходя из равенства $a \rightarrow b = I - a + ab$, где $a, b \in [0, 1]$.

5. Принимаем, что *адаптивность* в ситуации достижения характеризуется координатами «я хочу — я требую от себя (мне надо)», «я требую от себя — ситуация требует от меня», «я претендую — я достигаю».

6. Подтверждается гипотеза «адаптивности “большинства”», состоящая в том, что испытуемые, в среднем по выборке, придерживаются адаптивной стратегии генерации действия, параметры которой соответствуют численным решениям уравнений, описывающих соотношения между элементами и фрагментами целевой перспективы в имплективной модели адаптивного действия:

в ординарной среде, моделируемой ситуацией «задача дня», — это:

$$(((0,577 \rightarrow 0,453) \rightarrow 0,382) \rightarrow 0,423) \rightarrow 0,5 (= 0,667)$$

в ординарной среде, моделируемой ситуацией «задача по вкусу», — это

$$(((0,618 \rightarrow 0,461) \rightarrow 0,427) \rightarrow 0,382) \rightarrow 0,382 (= 0,618)$$

7. Теоретически найденные и эмпирически оцененные численные значения целевых перспектив адаптивного действия — «константы адаптивности» — могут служить «точками отсчета» в установлении взаимосвязи адаптивности — неадаптивности как фундаментальной характеристики личности с другими личностными проявлениями (тенденцией к риску, креативностью, жизненным благополучием, мотивацией деятельности, стилями коммуникации, особенностями самосознания, девиациями поведения и др.).

Литература

- Асмолов и др. 2017 — *Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М.* Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // *Вопросы психологии*. 2017. 4. С. 3–27.
- Асмолов, Петровский 1978 — *Асмолов А. Г., Петровский В. А.* О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // *Вопросы психологии*. 1978. № 1. С. 70–80.
- Битюцкая 2011 — *Битюцкая Е. В.* Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // *Вестник МГУ. Сер. 14. Психология*. 2011. № 1. С. 100–111.
- Битюцкая, Петровский 2016 — *Битюцкая Е. В., Петровский В. А.* К вопросу о субъективной и объективной трудности жизненной ситуации // *Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: материалы IV Междунар. науч. конф.* Кострома, 22–24 сент. 2016 г.: В 2 т. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016.
- Богоявленская 1983 — *Богоявленская Д. Б.* Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1983.
- Волгин 1996 — *Волгин Л. И.* АМ-алгебра и ее применения // *Автоматика и вычислительная техника*. 1996. 1. С. 19–23.
- Дорошенко 2018 — *Дорошенко Е. В.* Соотношение финансовой и личностной состоятельности. Магистерская диссертация. НИУ ВШЭ (рукопись). 2018.
- Дружинин 1995 — *Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. М., 1995.
- Жане 2009 — *Жане П.* Психический автоматизм. М.: Наука, 1889.
- Канеман и др. 2005 — *Канеман Д., Словик П., Тверски А.* Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005.
- Козелецкий 1979 — *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.
- Конопкин 1995 — *Конопкин О. А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // *Вопросы психологии*. 1995. № 1. С. 5–13.
- Корнилова 1994 — *Корнилова Т. В.* Диагностика «личностных факторов» принятия решений // *Вопросы психологии*. 1994. 6. С. 99–109.
- Корнилова 2013 — *Корнилова Т. В.* Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // *Психологические исследования*. 2013. 6 (3).
- Левин 2001 — *Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды / Под общ. ред. Д. А. Леонтьева и Е. Ю. Патяевой; сост., пер. с нем. и англ. яз. и науч. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой. М.: Смысл, 2001.
- Леонтьев 2007 — *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007.
- Леонтьев и др. 2017 — *Леонтьев Д. А., Кифак Л. С., Митина О. В., Петровский В. А., Тихобразова Ж. С.* Состоятельность как психологический конструкт: опыт психометрической валидации // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. 14. № 3. С. 433–451.

- Лефевр 1996 — *Лефевр В. А.* Космический субъект. М.: Ин-кварти, 1996.
- Лисецкий и др. 2012 — *Лисецкий К. С., Березин С. А., Евченко Н. А.* Роль внутреннего диалога «я другое-я» в развитии личности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. 9. 1. С. 76–82.
- Львова и др. 2015 — *Львова Е. Н., Митина О. В., Шлягина Е. И.* Личностные предикторы совладающего поведения в ситуации неопределенности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40.
- Моросанова 1998 — *Моросанова В. И.* Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М., 1998.
- Огнев и др. 2018 — *Огнев А. С., Петровский В. А., Лихачева Э. В.* Окулометрические проявления психологических установок респондентов в отношении восприятия визуального контента // Вестник российского нового университета. Сер.: Человек в современном мире. 2018. № 2. С. 41–48.
- Огнев 2009 — *Огнев А. С.* Психология субъектогенеза личности: Монография. М.: МГГУ, 2009.
- Петровский 1971 — *Петровский В. А.* Экспериментальное исследование риска как тенденции личности // Материалы IV съезда Всесоюзного общества психологов. Тбилиси, 1971.
- Петровский 1975 — *Петровский В. А.* К психологии активности личности // Вопросы психологии. 1975. 3. С. 26–38.
- Петровский 1976 — *Петровский В. А.* Активность как «надситуативная деятельность» // Тезисы науч. сообщений советских психологов к XXI Междунар. психологическому конгрессу. М., 1976.
- Петровский 2002 — *Петровский В. А.* Метаимплицативная модель экзистенциального выбора // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. вып. «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». Самара, 2002. С. 95–103.
- Петровский 2007 — *Петровский В. А.* Импликация: экспликация имплицитного // Рефлексивные процессы и управление. М.: ТЕИС, 2007. С. 49–58.
- Петровский 2010 — *Петровский В. А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
- Петровский 2013 — *Петровский В. А.* Персонология «Я». Издат. Дом Высшей школы экономики, 2013.
- Петровский, Таран 2002 — *Петровский В. А., Таран Т. А.* Импульсная модель экзистенциального выбора // КИИ-2002. VIII национальная конф. по искусственному интеллекту с международным участием. 1. М.: Физматлит, 2002. С. 492–502.
- Психология. Словарь — Психология. Словарь. М.: Политиздат, 1990.
- Станковская 2016 — *Станковская Е. Б.* Самоценность личности: диалектика сознательных усилий и бессознательных препятствий // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2016. № 3. С. 68–75.
- Старовойтенко 2016 — *Старовойтенко Е. Б.* Сознательно-бессознательные представления личности в измерении «возможностей» // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2016. 86. 2. С. 123–137.
- Субботский 2007 — *Субботский Е. В.* Строящееся сознание. М.: Смысл, 2007.
- Трубников 1968 — *Трубников Н. Н.* О категориях *цель, средство, результат*. М.: Высшая школа, 1968.

- Узнадзе 1996 — *Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. М.: Наука, 1966.
- Флейвелл 1967 — *Флейвелл Дж. Х.* Генетическая психология Жана Пиаже / С предисл. Жана Пиаже. М.: Просвещение, 1967.
- Хекзаузен 1986 — *Хекзаузен Х.* Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986.
- Шварцер и др. 1996 — *Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В.* Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. 7. С. 71–76.
- Шмелев 2015 — *Шмелев И. М.* Эмоциональный «флатетер» и овладевающее поведение: межпространственный переход // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2015. 84. 4. С. 111–123.
- Шумский и др. 2016 — *Шумский В. Б., Уколова Е. М., Осин Е. Н., Лупандина Я. Д.* Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальной исполненности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. 13. № 4. С. 763–788.
- Ach 1910 — *Ach N.* Über den Willensakt und des Temperament. Leipzig, 1910.
- Atkinson 1957 — *Atkinson J.* Motivation determinants of risktaking behavior // Psychological Review. 1957. 64 (6). P. 359–372.
- Bandura 1997 — *Bandura A.* Self-efficacy: the exercise of control. N. Y.: W. H. Freeman, 1997.
- Brehm 1966 — *Brehm J. W.* A theory of psychological reactance. N. Y.: Academic Press, 1966.
- Diener et al. 1985 — *Diener E., Emmons R. A., Larsen R. J., Griffin S.* The Satisfaction With Life Scale // Journal of Personality Assessment. 1985. Vol. 49. P. 71–75.
- Gibson 1979 — *Gibson J. J.* The ecological approach to visual perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979.
- Lazarus, Folkman 1984 — *Lazarus R. S., Folkman S.* Stress, appraisal and coping. N. Y.: Springer, 1984.
- Rotter 1954 — *Rotter J. B.* Social learning and clinical psychology. N. Y.: Prentice-Hall, 1954.
- Ryff 1995 — *Ryff C. D.* Psychological well-being in adult life // Current Directions in Psychological Science. 4. P. 99–104.
- Taleb 2007 — *Taleb N. N.* The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable // The New York Times. 2007.
- Velichkovsky et al. 2017 — *Velichkovsky B. M., Krotkova O. A., Sharaev M. G., Ushakov V. L.* In search of the «I»: Neuropsychology of lateralized thinking meets Dynamic Causal Modeling // Psychology in Russia: State of the Art, 10 (3). P. 7–27.
- Ware 1983 — *Ware P.* Personality Adaptation (doors to Therapy) // Transactional Analysis Journal. 19183. 13. No. 1. P. 11–19.

Методика В. А. Петровского

«ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ»

Первая форма опросника. «Задача дня»

Всю жизнь мы только и делаем, что решаем задачи. Простые и сложные; бытовые и профессиональные; занимательные и — не очень. Ради денег. Ради признания. Или просто потому, что хочется занять себя чем-то. Некоторые задачи, как говорят, «ставит сама жизнь», а некоторые — мы выбираем сами, по своему усмотрению.

*Допустим, речь идет о вполне конкретной задаче, которую вы решаете **сегодня**, или, может быть, в последнее время. Попробуйте ответить на ряд вопросов (даже если они покажутся вам не совсем обычными).*

КАК ЧАСТО ПРИ РЕШЕНИИ «ЗАДАЧИ ДНЯ» ВЫ:

1. Перепроверяете себя, пытаетесь удостовериться в правильности своих догадок и предположений (как бы «испытывая их на прочность»)?

(поставьте крестик «х» на шкале «редко — часто»):

редко ----- часто

2. Считаете нужным дожидаться «того самого» счастливого случая, когда ситуация сама подскажет, как быть и что делать (полагаетесь на удачное стечение обстоятельств, как бы наталкивающее на открытие)?

редко ----- часто

3. Исходите из необходимости «отмести» версии, кажущиеся Вам сомнительными?

редко ----- часто

4. Думаете: вот бы пришел кто-нибудь и сказал, что делать дальше (да только, увы, не будет этого)?

редко ----- часто

5. Верите в то, что не совершите ошибки, действуя так, а не как-то иначе?

редко ----- часто

6. Отказываетесь решать задачу по-старому, «отстраиваетесь» от ситуации, внутренне подготавливаете к новому решению («переключаетесь»)?

редко ----- часто

7. Вам не хочется ничего делать, нет никаких идей, не испытываете ничего, кроме ощущения полной бесперспективности?

редко ----- часто

8. Думаете: «Надо попробовать!», хотя и чувствуете, что это совершенно напрасно?

редко ----- часто

Шкалы **второй формы опросника** («Задача по вкусу») ничем не отличаются от шкал первой формы («Задача дня»). Отличие в том, что испытуемый, согласно инструкции, имеет в виду задачу, наиболее полно отвечающую его интересам и склонностям.

ОБ АВТОРАХ

Айламазьян Аида Меликовна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Белинская Елена Павловна — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Асмолов Александр Григорьевич — доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, заведующий кафедрой психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Волкова Наталья Никитична — аспирантка кафедры психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Гусев Алексей Николаевич — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Журавлев Анатолий Лактионович — доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии наук, академик Российской академии образования, научный руководитель Института психологии Российской академии наук

Гусельцева Марина Сергеевна — доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования

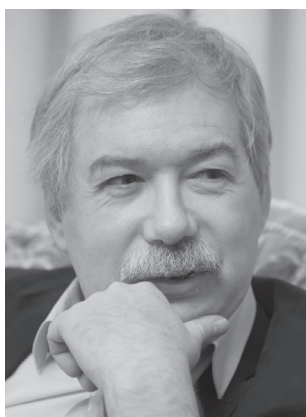
Иванников Вячеслав Андреевич — доктор психологических наук, академик Российской академии образования, профессор кафедры психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Корнилова Татьяна Васильевна — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Кривцова Светлана Васильевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, ординарный профессор, заведующий Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ; профессор кафедры психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Леонтьева Анна Алексеевна — выпускница кафедры психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова; аспирантка университета Джорджтаун (США)

Лыкова Татьяна Анатольевна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт управления образованием Российской академии образования

Львова Елена Николаевна — кандидат психологических наук, преподаватель кафедры психологии личности, заместитель руководителя Департамента психологии, факультет социальных наук НИУ ВШЭ

Марцинковская Татьяна Давидовна — доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии им. Л. С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета; заведующая лабораторией психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования

Машков Дмитрий Сергеевич — магистрант, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Митина Ольга Валентиновна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, ведущий научный сотрудник лаборатории «Психология общения», факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Патяева Екатерина Юрьевна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Нестик Тимофей Александрович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник кафедры психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова; профессор Российской академии наук, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии Российской академии наук

Петровский Вадим Артурович — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, ординарный профессор, профессор кафедры психологии личности, Департамент психологии, факультет социальных наук НИУ ВШЭ

Поддьяков Александр Николаевич — доктор психологических наук, профессор, ординарный профессор, Департамент психологии, факультет социальных наук НИУ ВШЭ

Сергиенко Елена Алексеевна — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии Российской академии наук

Садовская Екатерина Александровна — соискатель кафедры психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Собкин Владимир Самуилович — доктор психологических наук, академик Российской академии образования, профессор кафедры психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова; руководитель Центра социологии образования, Институт управления образованием Российской академии образования

Соколова Елена Теодоровна — доктор психологических наук, профессор кафедры нейро- и патопсихологии, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Фаликман Мария Вячеславовна — доктор психологических наук, руководитель Департамента психологии, факультет социальных наук НИУ ВШЭ; профессор кафедры психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Солдатова Галина Уртанбековна — доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Хорошилов Дмитрий Александрович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Черноризов Александр Михайлович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Шайгерова Людмила Александровна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры методологии психологии, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Шехтер Евгения Дмитриевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры психофизиологии, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Шлягина Елена Ивановна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры психологии личности, факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Lomonosov Moscow State University
Faculty of Psychology
Department of Personality Psychology

Project of the Department of Personality Psychology
«MOBILIS IN MOBILI: PERSONALITY IN TIMES OF CHANGES»

The idea of the project and editing:

Head of the Department of Personality Psychology, PhD, Professor, Academician of the
Russian Academy of Education Alexander Asmolov

In the 21st century, scientists representing different disciplines which investigate human evolution, nature, and society, acknowledge that the ancient warning about the risks and dangers in the times of change is a prophecy that has come true. The transformation of the times of change in a reality of our flowing time boosted the development of the emerging directions in psychological science, such as psychology of uncertainty and diversity, psychology of complexity, psychology of transforming personality. All these psychological disciplines are integrated into the project «Mobilis in mobili: Personality in times of changes»

Researchers from the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University and from other leading centers of psychological science contributed to this book. It is addressed to readers interested in psychology of a person who makes decisions and performs actions under conditions of uncertainty, complexity and diversity of a strikingly evolving world.

MOBILIS IN MOBILI: ЛИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Корректор Н. Полякова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 28.10.2018. Формат 70х100/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 43,86. Тираж 600. Заказ №

Издательский Дом ЯСК.
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК «Гнозис»»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 499 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru vk.com/gnosisbooks

В нашем издательстве вышли следующие книги:

Гришина Е. А.

Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — 744 с., ил. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning.)

ISBN 978-5-94457-301-8

Книга содержит корпусные исследования в области жестикуляционной лингвистики. На материале Мультимедийного русского корпуса (МУРКО) автор исследует систему русских указательных жестов (ручные и головные указания, автоуказание), русские иконические (изобразительные) жесты, жестикуляционную топологию (расположение жеста в пространстве), отражение в жестикуляции точки зрения говорящего, а также служебные жесты, сопровождающие русскую речь. Русская жестикуляция впервые описана систематически в ее отношении к русской устной коммуникации.

Доброва Г. Р.

Вариативность речевого развития детей. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. — 264 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-94457-330-8

В настоящий момент о детской речи в онтолингвистике (науке о об освоении ребенком языка) уже многое известно, однако подавляющее большинство исследований посвящено общим, универсальным свойствам этого процесса. В данной же монографии речь идет о его вариативности, т. е. о тех свойствах детской речи, которые, с одной стороны, нередки, но, с другой стороны, характерны не для всех детей. Рассматривается вариативность речевого развития русскоязычных детей-монолингвов с нормальным речевым развитием — хотя, естественно, затрагиваются также и отдельные аспекты речевого развития детей-билингвов (двуязычных детей) и детей с проблемами речевого развития. Основное внимание уделяется различиям в речевом развитии, обусловленным четырьмя разновидностями групповых различий детей, — типологическими (референциальные/экспрессивные дети), гендерными (мальчики/девочки), социокультурными (дети из семей с высоким/низким социокультурным статусом) и различиями, обусловленными наличием/отсутствием старших братьев/сестер. Анализируются такие особенности речи детей, как активный и пассивный словарный запас; склонность к генерализации/дифференциации/имитации; особенности артикуляции; особенности, связанные со «скачкообразным»/«эволюционным» развитием; склонность к лингвокреативности и др. Монография представляет собой результат исследований автора, основанных на материале спонтанной речи детей и многочисленных экспериментов, связанных с данной проблемой, — как публиковавшихся в течение последних более чем двадцати лет, так и новых, ранее не публиковавшихся. Монография может быть полезна всем тем, кто интересуется детской речью: будучи ориентирована в первую очередь на специалистов — онтолингвистов, психолингвистов, лингвистов, логопедов, методистов, — она может представлять интерес и для более широкого круга людей — воспитателей детских садов, учителей, родителей, неравнодушных к речи своих детей.

Кошелев А. Д.

Очерки эволюционно-синтетической теории языка. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. — 528 с. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning.)

ISBN 978-5-9500661-2-2

В монографии показывается, что на протяжении последних 50 лет теоретическая лингвистика находится в кризисе, поскольку представляет собой множество взаимно противоречащих доктрин. Эволюционно-синтетическая теория языка нацелена на преодоление данного кризиса. В ней реализуется мультидисциплинарный подход, описывающий язык а) в эволюционном и онтогенетическом развитии и б) в тесном взаимодействии с другими человеческими подсистемами: мышлением, деятельностью, памятью, социальным взаимодействием и др. Язык определяется как развивающаяся в онтогенезе дуальная система: универсальный сенсорный подязык + лингвоспецифичный функциональный подязык, где сенсорный подязык используется для описания «видимого» (доступного чувственному восприятию) мира, а функциональный подязык — для описания мыслимого («постигаемого разумом») мира. В рамках излагаемого подхода получают решение многие проблемы: 1) когнитивный (невербальный) язык для представления языковых значений; 2) многообразие и единство языков (используется структура, альтернативная Универсальной Грамматике Хомского); 3) главная (исходная) функция языка; 4) когнитивный язык мысли (его базу составляют лексические и грамматические значения сенсорного подязыка); 5) смысл (назначение) синтаксической структуры предложения; 6) механизмы усвоения ребенком лексических и грамматических значений; 7) дуальная (функционально-прототипическая) структура человеческих категорий и др.

В книге рассматривается широкий круг вопросов, касающихся человеческого познания, глотто- и антропогенеза, универсальных когнитивных структур представления предметов, действий и ситуаций, поэтому она будет интересна не только лингвистам, но и психологам, антропологам, социологам, философам.

Панов Е. Н.

Человек — созидатель и разрушитель: Эволюция поведения и социальной организации. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. — 634 с., ил. (вклейка после с. 192). — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning.)

ISBN 978-5-9500661-8-4

Книга разворачивает широкую панораму формирования и развития человеческой культуры, эволюции творчества. Автор описывает переход от орудийной деятельности шимпанзе, оказавшейся в высшей степени дифференцированной, к рождению каменной индустрии; анализирует новейшие многочисленные данные об образе жизни архаических обществ охотников-собирателей. Постепенно в поле зрения оказываются и материальная основа абстрактного мышления, и новые данные о возможных истоках языка, о диалектическом единстве языка и речи, и о специфике сфер приложения этих двух феноменов поведения людей. Рассматривается социальная организация современного человека: от архаических эгалитарных обществ к иерархическим трибальным (с переходом к оседлости), затем к стратификационным и, наконец, к индустриальным. Завершается исследование описанием постиндустриального общества со всеми его тяжелыми недугами, приводящими, наряду с величайшими достижениями в технологиях,

к разрушению цивилизации. На многие вопросы, обсуждаемые в книге, до сих пор нет однозначного ответа, и автор рассматривает их во всем многообразии первичных данных, гипотез и мнений. Он обсуждает сложнейшие, нередко остро дискуссионные вопросы, что заинтересует специалистов. Книга предназначена для подготовленного читателя, но будет полезна также студентам и всем тем людям, кто задает себе вопросы «кто мы?», «откуда мы?» и «что нас ждет в будущем?».

Пепперберг А.

Алекс и я / Пер. А. А. Кошелевой; сост. А. Д. Кошелев. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. — 336 с. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning.)

ISBN 978-5-6040760-0-2

В книге описывается серия уникальных научных экспериментов американской исследовательницы Айрин Пепперберг по изучению умственных способностей попугаев жакко, известных своим умением подражать речи человека.

В результате 30-летних опытов с попугаем по кличке Алекс было показано, что он не только заучивал и потом осмысленно повторял английские слова, которым его кропотливо учили (названия окружающих предметов, действий, имена людей и т. п.). Он мог находчиво употребить их в совершенно новой ситуации. При этом параллельно с «основной программой» он усваивал слова из разговоров окружающих и использовал их по собственному усмотрению сообразно новым ситуациям. Он, например, сам понял смысл слова «нет» и начал употреблять его, когда его что-то не устраивало в самых разных ситуациях, называл «курицами» других попугаев, подражая студентам, которые так реагировали на его неправильные ответы.

Книга написана очень увлекательно, доступным для широкого круга читателей языком. Она будет интересна как специалистам, так и широкому кругу людей, интересующихся коммуникативными способностями, мышлением животных и происхождением языка человека.

Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук / Отв. ред. В. И. Заботкина. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — 360 с. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning.)

ISBN 978-5-94457-309-4

Коллективная монография «Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук» обсуждает вопросы репрезентации событий с точки зрения психологии, философии, истории, лингвистики, формальной логики построения интеллектуальных систем. Подобный интегрированный подход позволяет авторам книги представить многоаспектный анализ события на новой методологической базе. Данную монографию можно рассматривать как попытку разработки и применения интегрированной методологии в рамках когнитивной науки.

Монография адресована не только специалистам в области когнитивных наук, но и широкому кругу ученых, исследующих события как явление объективного и ментального миров.

Книга адресована также преподавателям, магистрам, аспирантам, всем, кто занимается исследованиями в данной области.

Скребцова Т. Г.

Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 392 с. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning.)

ISBN 978-5-6040195-7-3

Предлагаемая вниманию читателя монография посвящена современному междисциплинарному направлению, возникшему на стыке языкознания и когнитологии. Книга отражает традиционное представление о когнитивной лингвистике, принятое в зарубежной науке и закреплённое в соответствующих учебных пособиях. Изложение классических теорий когнитивной лингвистики, созданных американскими лингвистами Дж. Лакоффом, Р. Лангакером, Ж. Фоконье, Л. Талми, дополняется сведениями о новейших достижениях в этой области, связанных с работами их последователей во всем мире, в том числе России. Издание адресовано широкому кругу специалистов в гуманитарных и общественных науках, когнитологии и теории искусственного интеллекта.

Может быть использовано для преподавания соответствующей дисциплины на филологических факультетах вузов.

Фаликман М. В.

Парадоксы зрительного внимания: эффекты перцептивных задач. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. — 264 с. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning.)

ISBN 978-5-94457-335-3

Книга посвящена одной из самых загадочных проблем психологии, а именно проблеме существования внимания как отдельного психического процесса. Несмотря на полтора столетия дискуссий, вопрос остается открытым. Книга объединяет ряд теоретических и экспериментальных исследований зрительного внимания человека, выполненных в русле конструктивистского подхода к познанию, и наводит мосты между когнитивной психологией, с одной стороны, и культурно-деятельностной психологией, с другой. Представленные в книге эмпирические исследования группируются вокруг так называемого «эффекта превосходства слова», описанного в психологии еще в конце девятнадцатого столетия и состоящего в повышении эффективности опознания отдельных букв в составе слова по сравнению с их изолированным предъявлением или появлением в составе случайных буквенных строк.

В наших исследованиях данный эффект был изучен в широком спектре задач на внимание. Читатель узнает, когда слово помогает быть внимательнее к отдельным буквам в его составе, а когда наоборот. Предлагается авторская трактовка зрительного внимания, опирающаяся на понятие перцептивной задачи.

*К статье В. А. Петровского
«Имплицативная модель целеполагания:
константы адаптивного действия»*

Рис. 2. Сравнение средних по выборке и теоретических значений целевой перспективы адаптивного действия в «задаче дня»

Рис. 3. Сравнение средних по выборке и теоретических значений целевой перспективы адаптивного действия в «задаче по вкусу»